

А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lucid1@yandex.ru

Стремление Русского государства к расширению своих границ на Востоке как знак утверждения своей мощи и самостоятельности

Включение новых земель под эгиду русской царской власти рассмотрено в широком этнополитическом контексте. Территориальные приращения были для Московского государства способом расширения своего влияния в условиях усиливающейся конкуренции национальных государств Европы. Прямое административное подчинение соседних народов подавалось как символ того, что могущество «Третьего Рима» на мировой арене возрастает во всех сферах человеческого существования, как в политической, так и в экономической. Показано, что для этих целей шло постоянное налаживание связей с соседствующими государствами и государственными объединениями. Окончательным знаковым оформлением территорий царская власть считала донесение соседним военно-потестарным и государственным объединениям о своих новых владениях. Несогласие соседей, как правило, выливалось в долгоиграющий пограничный конфликт, поскольку расширение царского титула новыми владениями не предполагало оспаривания. Московское правительство стремилось внедрить на всех подвластных ему территориях существующий в центральной части страны миропорядок. Это было частью символического включения новых территорий в состав этнополитической общности, наравне с фискальным налоговым учетом, знаменовавшим включение в состав социо-экономической общности. Доказано, что в большинстве таких действий удавалось избежать серьезных военных столкновений, так как правительственная политика всячески включала в эти процессы автохтонное население. Увеличение переселенческого российского населения стимулировало освоение новых территорий, строительство новых городов. Заключается, что к концу XVII столетия Сибирь в значительной степени утратила зависимость от Московского государства. Однако унифицирующие связи с европейской Россией только возрастали, касаясь всех сторон жизни, в том числе культурной.

Ключевые слова: Московское государство, территория, новые земли, переселенцы, аборигены, символ, знак, служилые люди, крестьяне, обеспечение.

A.A. Lyutsidarskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: lucid1@yandex.ru

Intention of the Russian State to Expand Its Borders in the East as a Sign of the Assertion of Its Power and Independence

Expansion to the new territories under the authority of the Russian Crown is considered in a wide ethno-political context. For the Muscovite state, territorial augmentation was a way of expanding its influence under the conditions of increasing competition from the national European states. Direct administrative subordination of neighboring peoples was presented as a symbol of the power of the “Third Rome” on the world stage. The author argues that for these purposes there was a constant establishment of relations with neighboring proto-states and states. The tsarist authorities considered the report to the neighboring military-potestary and state associations about their new possessions to be the final symbolic formalization of the territories. The disagreement of neighbors resulted in a long-term border conflict. The tsarist title to new possessions did not involve any challenge. The Moscow government sought to introduce the world order existing in the central part of the country in all the territories under its control. This was a part of the symbolic inclusion of new territories in the ethno-political community, along with fiscal tax accounting, which marked the inclusion in the socio-economic community. It is proved that in most of these actions, serious military clashes were avoided. The reason was government policy. It incorporated the autochthonous population in these processes. The increase in the resettled Russian population stimulated the development

of new territories and the construction of new towns. It is concluded that, by the end of the 17th century, Siberia had largely lost its dependence on the Moscow state. However, the coherency with European Russia only grew, implicating all aspects of life, including cultural.

Keywords: *Muscovy, territory, new lands, colonists, aborigines, symbol, sign, service people, peasants, provision.*

Каждое государство стремится к расширению своей территории. Россия не была исключением. Территории на востоке предоставляли такую возможность. Начало освоения восточных территорий относится ко второй половине XVI в., а спорадическое проникновение на Зауральское пространство началось еще раньше в результате торговых операций предприимчивых и смелых купцов. Торговые люди быстро оценили выгоды торговли с Сибирскими регионами, баснословно ценные пушные ресурсы, справедливо названные «мягким золотом», в обмен на необходимые аборигенным народам котлы, топоры и прочие предметы быта из металлов. Это не было похоже на подобный обмен западноевропейских колонистов нужных им предметов на привлекательную для аборигенов мишуру, и свидетельствует о развитости сибирских этносов и способности их оценить реально необходимые им вещи для существования и дальнейшего развития.

Поморы давно освоили путь в устье Оби по Студеному морю. Русские и коми-зыряне разведали водно-волоковые пути за Урал. Существовала и северная дорога, которая связывала районы русского Поморья с Нижнем Приобьем [Вершинин, 2018, с. 65]. Окончательно утвердиться русские на сибирском пространстве смогли лишь после того, как Ермак нанес поражение Сибирскому ханству Кучума [Скрынников, 1982, с.180].

Возведение новых городов на Зауральской территории должно было символизировать приобщение этого пространства к России. Строительство первых сибирских населенных пунктов началось в местах свободных от жесткого сопротивления автохтонного населения с учетом местных особенностей расселения. При этом необходимо было учитывать сложные, а порой и враждебные отношения между отдельными сибирскими этносами, которые искали поддержки и защиты у русской власти в военных стычках с соседствующими народами. Московское правительство призывало основную наступательную силу русских, государевых служилых людей, под руководством назначенных воевод не вмешиваться во внутреннюю жизнь коренного населения Сибири. Автохтоны продолжали жить по собственным правилам, соблюдая издавна укоренившиеся обычаи и обычаи [Гемуев, 1997, с. 106, 108].

Первые сибирские города, созданные усилиями русских служилых людей, были основаны в Западной Сибири уже во второй половине XVI в. В эти

регионы усиливался поток переселенцев из самых разных мест Российского государства. К этому процессу присоединилось переселение военнопленных и ссыльных, нарушавших установленные государством нормы общежития.

Именно эта выбранная политика московских властей привела к быстрому и относительно мирному вхождению части народов Сибири в состав Русского государства. Другое дело, когда русские столкнулись с аборигенами, входящими в состав военно-потестарных объединений, какими являлись народы Алтая, этносы, зависимые от претензий енисейских кыргызов и северных селькупов. В этих регионах развертывались военные действия против русского вмешательства, которые, несмотря на ряд предпринятых договорных и военных мероприятий, продолжались длительное время.

Первые сибирские города, созданные в основном силами служилого казачьего населения, начали возникать во второй половине XVI века на местах, свободных от серьезных военных конфликтов – это Тюмень (1586 г.), затем Сургут (1594 г.) и Березов (1587–1588 г.) [Резун, Васильевский, 1989, с. 15, 37]. В дальнейшем возникали все новые населенные пункты, обрастая прилегающими сельскими поселениями. В местах, пригодных для развития земледелия, стала развиваться крестьянская колонизация, которая, несмотря на целый ряд трудностей (поиск и подготовка пахотных угодий), с каждым десятилетием набирала силу. Обилие свободных земель и отсутствие крепостного права имели свою привлекательность, несмотря на превратности пути и суровый климат.

Увеличение переселенческого российского населения стимулировало освоение новых территорий, строительство новых городов и острогов. В этом процессе не было бы смысла, если бы эту новую территорию нечем было бы заселять. Дальновидная правительственная политика всячески включала в эти процессы автохтонное население, пресекая проявления коррупции и разного рода злоупотребления местной администрации в отдаленных от центральных властей землях. Существовал целый ряд запретов против ущемления прав аборигенного населения (разумеется, в рамках установленного на территории Сибири миропорядка). Каждый коренной житель Сибири был, прежде всего, плательщиком налога-ясака, поэтому жизнь его охранялась. Эта двойственная политика приносила свои плоды, по-

сколькo не отмечено значимое сокращение численности аборигенного населения в период заселения русскими Зауральского пространства.

Медленно, но неотступно аборигены внедрялись и в жизнь сибирских городов, выполняя некавалифицированную работу. Не последнюю роль играли и браки между крещеными коренными жителями и русским мужским населением. Убедительным примером этому является семья томского сына боярского Андрея Былина, вроде бы забывшего свое селькупское происхождение и прочно внедрившегося в высший слой русского служилого населения. Однако он заключил брак с крещеной селькупкой и поддерживал связь с ее родственниками. Думается, это был не единичный пример такого рода, зафиксированный документально, поскольку именно Былины являлись значимыми фигурами в городской среде и заслуживали пристального внимания со стороны воеводских властей [Березиков, Люцидарская, 2010, с. 40].

В результате имевшихся противостояний пришлое казачье население с аборигенной средой, немалое число коренных народов попадало в зависимое положение и становилось дворовыми работниками в хозяйствах русских горожан. Особенно это касается малолетних пленников-ясырей, значительная часть которых в дальнейшем, после обязательного крещения, становилась полноправными членами сибирского сообщества [Люцидарская, 2003, с. 105].

Подобное положение оставалось справедливым и для отстроенных городов и острогов на вновь освоенных русскими восточных территориях. Имеются в виду такие города как Енисейск, Иркутск, Якутск и иные, такие как Нарым, Кетск, Мангазея. Перспективу развития имели населенные пункты в зонах, пригодных для развития земледелия. Именно там обосновывались и обустроивались крестьянские хозяйства, которые в конечном итоге и наполнили сибирское пространство материальной независимостью от поставок из европейской части страны. На протяжении почти четверти века Московское государство отправляло в Сибирь обозы с зерновыми культурами, которые из-за длительности и опасности пути претерпевали в дороге неизбежные сложности. Это вызывало недовольство со стороны первых поселенцев нового региона, прежде всего служилого люда, обеспечивающих мир и стабильность на местах своего пребывания. Поэтому только с развитием крестьянского землепользования, которое во многом обеспечивалось усилиями служилых казаков, смогло наладиться продовольственное самообеспечение переселенцев в Сибирь. Таким образом, это был обоюдозависимый процесс, принесший свои плоды. Продвигаясь далее на восток, на протяжении XVII в. и далее в XVIII в. русские переселенцы, об-

лагая автохтонов приемлемым для существования налогом в форме ясака, продолжали осваивать зауральское пространство вплоть до таких отдаленных городов как Якутск, Нерчинск, Чита, Мангазея и др.

Возникновение новых городов было немислимо без формирования кадров строителей. Поначалу города создавались в основном усилиями служилого казачьего населения с привлечением других категорий переселенцев. Однако это не могло продолжаться длительное время. У служилого люда существовали свои задачи и обязанности, поэтому постепенно нарастала потребность в профессиональных плотниках, каменщиках, кирпичниках. Среди строителей первых сибирских городов были и нанятые в европейской части страны плотники, численность которых достигала 80 человек [Вилков, 1990, с. 308–309]. Знакомых с ремеслом деревообработки выявляли среди всех переселенцев. Тексты фискальных документов второй половины исследуемого периода постоянно фиксируют плотников среди ремесленных специальностей в значимых сибирских городах, таких, например, как Тобольск и Томск. Затем к строителям-плотникам присоединились и кирпичники, и каменщики.

Подобные процессы происходили и в иных менее крупных городах западной, а затем и восточной части сибирского пространства. Людей, знакомых с деревообработкой, выявляли среди всех достигших Сибири первопоселенцев, начиная с гулящих людей и крестьян. Термин «горододел» прочно вошел в словарный запас населения XVII в. Помимо плотников и горододелов, заслуживали внимания и судовых дел мастера, ведь реки Сибири в теплое время года являлись едва ли не основным средствами передвижения и доставки грузов. Суда, которыми пользовались в Сибири, были различных размеров и назначений: каюки, кочи, струги, дощаники. Струг являл собой быстрое маневренное судно, пригодное для разведки и вооруженных столкновений. Были весьма распространены и каюки, представлявшие собой парусную гребную крытую лодку. Каюк мог перевозить до 300 пудов хлеба. Коч гораздо больше годился для использования на морской воде. Наиболее распространены для плавания по сибирским рекам были дощаники. В западно-сибирских уездах дощаники строились в больших количествах. Судостроение было связано с процессом заселения территории русскими крестьянами. На крестьянское население возлагалась заготовка судового леса, и крестьяне в основном работали плотниками на плотбищах [Вершинин, 2018, с. 163, 166, 176, 179, 182]. Дощаники постоянно курсировали по сибирским рекам, перевозя людей и грузы, необходимые для жизнеобеспечения населения. Были случаи, когда груженные дощаники садились

на мель, тогда население близлежащих городов призывалось для оказания необходимой помощи.

Освоение восточных территорий Сибири не могло обходиться без использования водных артерий – сибирских рек. Дороги, в том числе и речные, служили своеобразным каркасом, стягивающим отдельные локусы в единый хозяйственный организм. К работе по прокладыванию и обустройству дорог Сибирская администрация привлекала и коренное население края, что не вызывало негативного отношения к такого рода труду, поскольку аборигенам приходилось действовать в привычной им природной среде. Дороги были крайне необходимы для установления связей между вновь создаваемыми населенными пунктами, которые создавались усилиями служилого люда и заселялись вновь прибывшими в Сибирь различными категориями переселенцев. Качество дорог оставляло желать лучшего. Между тем многочисленные архивные данные показывают, что координация между городами и острогами Сибири успешно, хотя и с временными затратами, осуществлялась.

Основными путями сообщения сибирской транспортно-сети в XVII в. являлись дороги, соединявшие Зауральскую территорию с европейской частью России. На первый план выходили экономические причины, прежде всего торговля. Из Сибири поступали баснословно дорогие меха, а Сибирь нуждалась в «русских» товарах самого разного назначения, на первых порах в различных крупах и соли, предметах первой необходимости, привычных для русского быта. Обилие природных таежных богатств и речных ресурсов дополняло потребности переселенцев.

К концу XVII столетия Сибирь в значительной степени утратила зависимость от Московского государства. Однако связи с европейской Россией только возрастали, унификация касалась всех сторон жизни, в том числе культурной. На сибирском пространстве строились церкви, возрастало количество людей, знавших грамоту. Среди предметов торговли появлялись книги, причем не только духовного, но и светского содержания. В значительных количествах продавались грамматики, азбуки, псалтыри и часословы. Спрос на «учильные книги» возрос к концу столетия. Сибирский приказ закупал учебную литературу в Москве и направлял ее сибирским воеводам «для продажи с прибылью» [Люцидарская, 1992, с. 102].

Таким образом, сибирское сообщество развивалось по всем направлениям, присущим Московскому государству в целом.

Список литературы

Березиков Н.А., Люцидарская А.А. Человек и социум: жизнеописания служилых людей сибирских гарни-

зонов XVII – начала XVIII в. // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 4 (29). – С. 39–45.

Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. – Екатеринбург: Демидовский ин-т, 2018. – 229 с.

Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1990. – 368 с.

Гемуев И.Н. Все против всех // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 104–112.

Люцидарская А.А. На пути к диалогу (языковая ситуация в Сибири в XVI–XVII вв.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. II. – С. 104–107.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 197 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1989. – 303 с.

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск: Наука, 1982. – 320 с.

References

Berezikov N.A., Lyutsidarskaya A.A. Chelovek i sotsium: zhizneopisaniya sluzhilykh lyudei sibirskikh garnizonov. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2010, no 4 (29). P. 39–45. (In Russ.).

Gemuev I.N. Vse protiv vsekh. In *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. P. 104–112. (In Russ.).

Lyutsidarskaya A.A. Na puti k dialogu (yazykovaya situatsiya v Sibiri v XVI–XVII vv.). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. Vol. IX. Pt. II. P. 104–107. (In Russ.).

Lyutsidarskaya A.A. Starozhily Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XVIII veka). Novosibirsk: Nauka Publ., 1992, 197 p. (In Russ.).

Rezun D.Ya., Vasil'evskii R.S. Letopis' sibirskikh gorodov. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989, 303 p. (In Russ.).

Skrynnikov R.G. Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982, 320 p. (In Russ.).

Vershinin E.V. Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri. Yekaterinburg: Demidovskiy institute Publ., 2018, 229 p. (In Russ.).

Vilkov O.N. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII veka. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990, 368 p. (In Russ.).

Люцидарская А.А. <https://orcid.org/0000-0002-3131-5350>